ОТЗЫВ

члена диссертационного совета Аркадия Бенционовича Ковельмана на диссертацию Софьи Борисовны Ямпольской «Особенности развития европейского иврита в XIX — начале XX века: лексические заимствования и система обращений», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.22 - языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (иврит)

В кандидатской диссертации С.Б. Ямпольской «Особенности развития европейского иврита в XIX — начале XX века: лексические заимствования и система обращений» рассматривается весьма существенный и, как показывает работа, еще недостаточно изученный период становления иврита. Если говорить об исторических исследованиях, то эта эпоха, как можно видеть, получила достаточное освещение в работах историков, социологов, философов и т.д., однако С.Б. Ямпольской удается показать, что именно лингвистические сведения добавляют новые возможности к изучению данной эпохи развития еврейской культуры.

Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения. Во введении формулируется предмет исследования — иврит Восточной и Центральной Европы (в первую очередь речь идет об иврите в Российской империи, но также и в культурных центрах Европы: Берлине, Кенигсберге и т.д.) в эпоху, предшествовавшую становлению современного государства Израиль. Здесь же автор оспаривает общепринятую точку зрения на «оживление» иврита в XX в. на территории Палестины. Если обобщить интенции диссертации, то они сводятся именно к стремлению выдвинуть новую интерпретацию истории иврита в до-израильский период и отказаться от гипотезы о «возрождении мертвого языка». Опираясь на работы ряда современных исследователей, указывающих на лингвистическую невозможность «возрождения языка» как такового, автор называет частные темы, далее рассматриваемые в работе и, как показывается далее в диссертации, входящие в противоречие с концепцией возрождения иврита. Темы эти: (1) концепты мертвых и живых языков в лингвистике, (2) заимствованные лексемы в языке ивритоязычной прессы Восточной Европы и (3) уважительные обращения в иврите на материале разговорников и учебных пособий.

В первой главе дается общий исторический контекст рассматриваемого периода. Просветительское движение Хаскала, зародившееся в Германии в конце XVIII в., стремясь преодолеть обособленность европейского еврейства и ввести евреев в круг европейских ценностей, стимулировало развитие еврейской печати на иврите, а также учебных пособий. Идеология Хаскалы предлагала европейскому еврейству новую идентичность, идентичность равноправного с другими европейского народа, и национальный язык, на роль которого был выбран иврит, играл в программе просветителей существенную роль, поскольку обладал высоким статусом и для евреев, и для неевреев. Одновременно с этим движением сверху, в народной толще Украины и Белоруссии зарождается и быстро приобретает влияние религиозное движение хасидизма. В работе недостаточно раскрыта роль иврита в хасидизме (как можно понять, в силу общей недостаточной изученности этой темы), однако поскольку первичная литература

восточно-европейского хасидизма создавалась на иврите (в первую очередь, это книги о жизни Баал-Шем-Това), то нужно признать, что это важный и требующий дальнейшего изучения фрагмент истории языка, значительно отличающегося от высокого, книжного иврита маскилов (сторонников Хаскалы). Далее в историческом обзоре кратко говорится о становлении сионизма и об автономистском движении, развивавшем культурные и языковые институты без привязки их (в отличие от сионизма) к территориальной обособленности еврейского народа.

Последние два движения развивали широкий спектр языковых институций, среди которых автор указывает не только газеты, журналы и книги, но и постепенно ширящееся с начала XX в. преподавание на иврите. Рассматривая развитие европейского иврита хронологически, автор доводит изложение до Февральской революции, после которой начали выходить новые газеты на иврите и появились детские сады с преподаванием на иврите, заканчивается же первая глава трагической историей московского театра «Габима», успешно развивавшегося в Москве с 1918 года и вынужденного в полном составе покинуть СССР в 1925 г.
После общих сведений по истории иврита рассматривается эволюция понятий «живого» и «мертвого» в языкознании. Автор прослеживает на широком круге материалов развитие этих концептов от лингвистики итальянского Возрождения, противопоставлявшей «мертвые» классические и «живые» народные языки — аспектами противопоставления оказываются: модель усвоения (школа или же кормилица) и уровень развития (цельность, законченность классических языков и необработанность, изменчивость языков народных). Затем термин «мертвый язык», сохраняя привязку к сакральным языкам (латыни, древнегреческому и древнееврейскому) переходит в Новое время, где приобретает уже негативную окраску. Из европейского лингвистического дискурса, по мысли автора, это определение попадает в понятийный инструментарий маскилов и от них доходит до Э. Бен Иегуды, начиная с которого, «мертвость» иврита трактуется уже буквально, откуда появляется идея «оживления» «мертвого» языка. Здесь можно заметить автору, что несмотря на широкую популярность концепции «возрождения иврита» она обычно сохраняет определенную метафоричность и исследователи, на чьи работы ссылается С.Б. Ямпольская, как правило, оговариваются, что иврит, не был мертв, а всего лишь не использовался в обиходе. Вместе с тем, нельзя не признать, что существование метафор в научной терминологии объективно наносит вред науке и данная глава во многом указывает на тот вред, который такой метафорической двусмысленностью был нанесен.

Во второй главе рассматриваются заимствования, проникавшие в иврит европейских газет во второй половине XIX в. и первых десятилетиях XX в. Поскольку один из аргументов Э. Бен Иегуды состоял в том, что в иврите не хватает важных для современности слов, то Ямпольская полемически демонстрирует обилие заимствованной из европейских языков лексики, показывая, что большая часть заимствований перешла и в язык современной израильской прессы. Источником материала для данной главы служит московская ежедневная газета «Гоом», ранее не рассматривавшаяся языковедами. В этом разделе анализируются механизмы орфографической и морфологической адаптации заимствований, при чем показано, что эти механизмы были устойчивы и продуктивны и легко позволяли адаптировать иноязычную лексику, а в последствии были перенесены и в израильский иврит. Важным выводом главы является убедительно

описанная преемственность языка европейской прессы на иврите и языка современной израильской журналистики. В качестве дальнейшей рекомендации автору можно было бы предложить многостороннее сопоставление трех известных нам подходов к новой лексике в иврите: полному заимствованию с адаптацией звуковой формы (что и рассмотрено в главе), созданию калек с других языков и изобретению полностью новых слов с опорой на существующие в иврите корни (модель, выбранная Э. Бен Иегудой). Представляется, что анализ состязательности этих моделей мог бы пролить новый свет на динамику развития новой лексики в иврите XIX—XX вв.

В третьей главе описана система речевого этикета, выраженного грамматическими средствами, в европейском иврите, т.е. употребление местоимений «он» и «она» (согласованных с глаголом в 3 л. ед. ч.) для подчеркнуто вежливого обращения к собеседнику. Данные приводятся по малоизвестным иврито-русским и иврито-немецким разговорникам XIX в., по ивритоязычным учебникам русского языка, а также по одно- и двуязычным письмовникам с XVI по XX вв. Возникновение закрепленных в грамматике форм вежливости рассмотрено в контексте их появления в европейских языках (немецком и польском), причем сопоставление показывает, что система вежливого обращения в иврите оригинальна и не заимствована из европейских языков (здесь было бы интересно также привлечь данные романских языков, французского, испанского и итальянского, вежливые формы последнего из которых могли оказать влияние на немецкий). Отсутствие таких форм в древнееврейских текстах указывает, по мнению автора, на возникновение их в средневековый период или Новое время, что, в свою очередь, свидетельствует, об активном развитии иврита в этот период. Таким образом, Ямпольская оспаривает то же представление о том, что иврит был мертвым языком, поскольку неизменность грамматики – одно из условий такого языка. Ненаследование этих форм израильским ивритом трактуется в работе как часть общей программы по отказу от разговорных моделей европейского иврита. О возможной разговорности этих форм, по мнению автора, свидетельствует не только присутствие их в разговорниках и письмовниках, но и сохранность их в устной речи современных религиозных ортодоксов, как в Израиле, так и в США.

В заключении диссертации предлагается своеобразная интерпретация истории иврита с учетом описанных выше сведений. Суммируются сведения о перешедших в израильский иврит чертах иврита европейского и, напротив, о тех, которые были отвергнуты. Важнейшим аспектом развития иврита в XIX — начале XX в. Ямпольская называет диглоссию иврита и идиша и последующий распад этой диглоссии, который и привел ко всё более широкому развитию бытовых и прочих, ранее не задействованных ивритом, языковых регистров. Вместе с тем, нельзя не согласиться с мыслью автора о том, что основным изменением, которое претерпел иврит в XX в., стало получение им статуса государственного языка.

В целом работа и аппарат ссылок достаточно аккуратно оформлены в соответствии с требованиями, обычно предъявляемым к диссертационным исследованиям. Библиографический список насчитывает 227 позиций и включает материалы на девяти языках: русском, английском, иврите, идише, немецком, латыни, польском, итальянском и французском.

Тем не менее, в работе есть несколько досадных опечаток. Так на стр. 155 написано «требует дельнейшего детального исследования», вместо «дальнейшего»; на стр. 157 «сфорумулировал» вместо «сформулировал». Некоторые лингвистические термины явно известны автору диссертации по англоязычным работам, их перевод на русский язык выглядит порой довольно неуклюже, например, «T-V различение» (стр. 137). К недостаткам работы можно отнести отсутствие разбора полемики о выборе национального варианта языка, проходившей в Палестине 1920х гг. с участием основных деятелей культуры на иврите. Впрочем, такая претензия скорее является desideratum.

Несмотря на немногочисленные недостатки, диссертация является плодом работы зрелого ученого, наделенного критическим мышлением, необходимым для научного знания, и способного не только грамотно анализировать новый языковой материал, но и четко ставить научную проблему и находить пути ее решения. Положения, выносимые автором на защиту, являются актуальными и новаторскими в области, выбранной Ямпольской, их доказанность в ходе диссертационной работы представляется обоснованной. Само направление исследования – поиски ответов на вопрос об истории иврита в XIX-XX вв. с опорой на языковые источники, которыми богаты собрания Санкт-Петербурга и Москвы, и которые не использовались лингвистами раньше, видится весьма перспективным. В свете сказанного выше, диссертацию С.Б. Ямпольской следует оценить высокой оценкой.

Полагаю, что диссертация «Особенности развития европейского иврита в XIX — начале XX века: лексические заимствования и система обращений» удовлетворяет всем требованиям, предъявляемым к работам этого уровня, а ее автор С.Б. Ямпольская, безусловно, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.22.

Профессор, заведующий кафедрой иудаики Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Россия 125009, Москва, Моховая 11, стр.1)

доктор исторических наук,
Аркадий Бенционович Ковельман

/А.Б. Ковельман/

20 декабря 2016 г.

Подпись Ковельмана А.Б.
Удостоверяю
Олефиренко

ИНСТИТУТ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ